

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ IV.

1906.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ОБНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1906.

Вл. Н. Ивановскій. Первый всероссійскій съѣздъ по педагогической психологiи въ Петербургѣ	130
В. Г. Алексѣевъ. Гербартъ, Штрюмпель и ихъ педагогическія системы (<i>окончаніе</i>)	166

Отзывы о книгахъ:

А. Э. Соколовъ. <i>Ю. Назарова.</i> Систематическій курсъ начальной географіи. М. 1905	118
А. Н. Альмедянгенъ. <i>П. П. Федотьевъ.</i> Учебникъ товаровѣдствія . . .	117
Я. Г. Моръ. <i>I. Schilling.</i> Kurzer Ueberblick über die deutsche Literatur bis zur zweiten Blütezeit. Riga. 1905	126
— Книжныя новости	127

Современная лѣтопись.

Ө. Ф. Зѣлинскій. Университетскій вопросъ въ 1906 году . . .	111
С. О. Цыбульскій. Организація средней школы въ Европѣ (<i>продолженіе</i>)	160
П. А. Булаковскій. М. С. Дриновъ (<i>некрологъ</i>)	190

Отдѣлъ классической филологіи.

П. В. Потушилъ. Региллякая повѣсть	356
Г. Ф. Церетели. Въ Менадру	400

Редакторъ **Э. Л. Радловъ.**

(Вышла 1-го августа)

М. С. ДРИНОВЪ.

(Некрологъ).

28-го февраля скончался въ Харьковѣ ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета по кафедрѣ славяновѣдѣнія Маринъ Степановичъ Дриновъ, на 68-мъ году жизни. На его похороны прѣвѣжала специально командированная болгарскимъ правительствомъ депутація съ министромъ народнаго просвѣщенія въ Болгаріи профессоромъ Шишмановымъ во главѣ. Дриновъ былъ болгаринъ по происхожденію, всю свою трудовую ученую жизнь отдавшій русскому Харьковскому университету. Когда осенью 1898 года исполнилось 25-лѣтіе службы М. С-ча на харьковской университетской кафедрѣ, его товарищи чествовали его, выражая ему знаки уваженія, какъ прекрасному человѣку и крупному ученому. Тогда же былъ задуманъ юбилейный сборникъ въ его честь, изданіе котораго, къ сожалѣнію, задержалось по недостатку средствъ, хотя матеріаломъ онъ вполне обеспеченъ, но нѣкоторыя изъ статей (напримѣръ, проф. Сумцова, проф. Ляпунова) вышли уже отдѣльными брошюрами.

Лишь только стало извѣстно въ Болгаріи объ университетскомъ юбилеѣ М. С. Дринова въ Харьковѣ, какъ одно изъ ученыхъ обществъ въ Софіи („Българско-то природознпвателно дружество“) 23-го октябля 1898 года пригласило всѣ софійскія болгарскія ученые и литературныя общества, а также редакціи журналовъ собраться и обсудить, какъ почтить Дринова, первый ученый трудъ котораго на болгарскомъ языкѣ („Погледъ връхъ происхожданье-то на блггарскій народъ и начало-то на блггарска-та исторія“) былъ имъ оконченъ 1-го апрѣля 1869 года и тогда же издать въ Вѣнѣ. По предложенію

предсѣдателя на этомъ собраніи, профессора Златарскаго, рѣшено было отпраздновать въ Софіи 30-тилѣтіе ученой и политической дѣятельности М. С. Дринова 23-го апрѣля 1899 года, т. е. въ популярный у болгарскаго народа Георгіевъ день, знаменующій начало весны, празднованіе котораго сопровождается весьма древними и характерными обрядами. М. С. Дриновъ не могъ пріѣхать въ Софію къ устраиваемому въ его честь празднику, и хотя онъ отговорился ссылкой на служебныя обязанности, но несомнѣнно мы будемъ ближе къ правдѣ, если скажемъ, что единственною причиною была крайняя скромность покойнаго ученаго и болгарскаго государственнаго дѣятеля, всегда старавшагося уклониться отъ всякихъ выступленій и манифестацій. Тогда болгарами былъ посланъ М. С. Дринову изящно написанный старославянскими кирилловскими письменами адресъ, начинавшійся словами: „Високооучени сънародниче“ за многочисленными подписями отъ имени слѣдующихъ болгарскихъ „дружествъ“: литературнаго (книжовнаго), экономическаго, земледѣльческаго, инженерно-архитектурнаго, ветеринарнаго, общества поддержки искусствъ въ Болгаріи, физико-математическаго, природоиспытательнаго, учительскаго—и отъ имени журналовъ и періодическихъ изданій, выходящихъ въ Софіи: Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, Български прегледъ, Юридическо списание, Воененъ журналъ, Воиншка Сбирка, Училищенъ Прегледъ, Мисль, Медицински Сборникъ и Путешественикъ. Мы съ умысломъ принесли это перечисленіе софійскихъ ученыхъ обществъ и изданій, принявшихъ участіе въ адресѣ и юбилеѣ М. С. Дринова въ 1899 году. Когда начиналъ свою дѣятельность Дриновъ, болгары не имѣли ни ученыхъ обществъ, ни изданій и журналовъ, а Софія была небольшою полутурецкѣмъ городомъ, въ которомъ не могло возникнуть и мысли о какомъ бы то ни было болгарскомъ обществѣ съ культурными цѣлями. Всѣ эти общества и изданія возникли въ теченіе 20-ти лѣтъ послѣ освобожденія Болгаріи, и лишь первое общество „книжовное“ начало свое существованіе въ 1869 году въ Браилѣ при участіи тогда начинавшаго свою ученую дѣятельность М. С. Дринова. Что долженъ былъ чувствовать покойный болгарскій патриотъ и русскій ученый при столь ясно документированномъ быстромъ ростѣ культурной жизни роднаго ему болгарскаго народа, въ исторіи возрожденія котораго онъ принималъ столь живое и близкое участіе?...

М. С. Дриновъ родился въ 1838 году въ городѣ Панагюриштѣ, у подножія Балканъ, въ сѣверной Фракіи, въ семьѣ бѣдной и про-

стой. У болгаръ въ эту пору уже проявилось съ силою сознание необходимости поднять народное просвѣщеніе, чтобы имѣть возможность дать отпоръ огречиванію народа и притязаніямъ фанаріотовъ. Венелинъ уже „открылъ“ Болгарію и болгарскій народъ. Богатые болгарскіе купцы въ Букурештѣ, Константинополѣ, но особенно въ Россіи— въ Одессѣ, Нѣжинѣ и другихъ городахъ, представляя единственную болѣе образованную и культурную, а слѣдовательно и аристократическую среду, почувствовали свой долгъ передъ народомъ, чтобы дать ему средства для борьбы за права своей національности. Благодаря помощи и покровительству одесскихъ болгаръ Априлова и Палаузова, возникло въ болгарскомъ городѣ Габровѣ въ 1835 году первое болгарское училище, получившее извѣстность перваго расадника болгарскаго просвѣщенія. Съ той поры борьба за болгарскую церковь и школу противъ ихъ эллинизации тянулась до освобожденія Болгаріи, принявъ болѣе опредѣленные формы, и отчасти продолжается и въ наше время, иногда становясь даже болѣе ожесточенною, чѣмъ борьба съ турками, напримеръ, въ Македоніи. Еще въ 1877—78 годахъ и послѣ въ придунайскихъ городахъ можно было встрѣтить болгаръ, пишущихъ по болгарски греческими буквами, такъ какъ они учились въ начальныхъ греческихъ училищахъ, при помощи которыхъ фанаріотское духовенство надѣялось эллинизировать болгаръ. Въ 1839 г. вышелъ хаттишерифъ султана, обѣщавшій гражданскія права и равноправность турецкимъ подданнымъ. По всей Болгаріи стали возникать постепенно школы, ибо была надежда на ихъ защиту. Дриновъ учился въ Панагюриштѣ, своемъ родномъ городѣ, и сталъ затѣмъ даже учителемъ одной изъ болгарскихъ школъ, но онъ понималъ недостаточность своего просвѣщенія и слышалъ о возможности получить его въ Россіи. Въ 1858 году, уже имѣя 20 лѣтъ отъ роду, онъ оставилъ свою родину и направился въ Россію. Послѣ трехлѣтней подготовки въ Кіевѣ къ поступленію въ университетъ, Дриновъ перѣхалъ въ Москву и тутъ былъ принятъ въ число студентовъ историко-филологическаго факультета.

Это было въ 1861 году. Въ это славное время общаго оживленія и подъема духовныхъ силъ народа, — время освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, — къ славянамъ и славянству въ старой столицѣ Россіи относились съ большимъ интересомъ. Благородное славянофильство выступило активно, русскій патріотическій націонализмъ приобрѣлалъ опредѣленные формы выраженія, въ публицистикѣ уже получилъ громкое имя Н. С. Аксаковъ, выдвигался М. Н. Кат-

ковъ, какъ защитникъ прогресса и преобразованій русской жизни и единства и цѣлости Русскаго государства и въ то же время сильный противникъ антигосударственныхъ и антинародныхъ учений, уже возникла славянскій комитетъ, при участіи всѣхъ видныхъ силъ Москвы, уже зарождалась мысль о славянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ, осуществившаяся въ 1867 году.

Въ Московскомъ университетѣ въ ту пору училось уже немало болгаръ, изъ которыхъ нѣмные оставались въ той же Москвѣ учителями гимназій, какъ Райко Жинзифовъ, Петко Каравеловъ, Пешо Бончевъ, товарищъ Дринова какъ по родному городу, такъ и по учению, и др. Историко-филологическій факультетъ Московскаго университета въ это время блисталъ такими выдающимися учеными и профессорами, какъ Соловьевъ, Буслаевъ, Бодянский, Леонтьевъ, Тихонравовъ, Ешевскій. Бодянский при этомъ былъ первый профессоръ по кафедрѣ славяновѣдѣнія, со времени его основанія въ Московскомъ университетѣ. Въ русскомъ и особенно московскомъ обществѣ тогда уже вѣялъ тотъ духъ, который нашелъ свое воплощеніе въ чудныхъ образахъ повѣсти „Наканунъ“ тогда еще все выше росшаго великаго художника Тургенева. Все это отражалось и на общественномъ настроеніи, и на молодыхъ славянахъ, приходившихъ на русскую землю искать просвѣщенія.

Начавъ подготовку къ высшей школѣ въ 20 лѣтъ, Дриновъ долженъ былъ отличаться большимъ трудолюбіемъ. Въ 1865 году, имѣя уже 27 лѣтъ отъ роду, Дриновъ окончилъ университетскій курсъ со степенью кандидата историко-филологическихъ наукъ. Вскорѣ онъ принялъ на себя обязанности домашняго учителя въ семействѣ княгини Голицыной (урожд. Чертковой), что дало ему возможность побывать въ разныхъ мѣстахъ Европы и провести значительное время въ Италіи. Онъ теперь нашелъ возможность употребить свои досуги на изученіе прошлыхъ судебъ славянства, особенно своего родного болгарскаго народа, съ которымъ онъ никогда не порывалъ связей. Вскорѣ ему пришлось быть въ Прагѣ, гдѣ лишь недавно умеръ Шафарикъ и живъ еще былъ Палацкій. О. М. Бодянский, считая себя ученикомъ Шафарика, держался въ своихъ лекціяхъ мнѣній этого основателя дѣйствительной науки о славянахъ и вселялъ особенное уваженіе въ своихъ слушателяхъ къ этимъ обоимъ чешскимъ ученымъ и славнымъ дѣятелямъ въ исторіи чешскаго возрожденія. Дриновъ въ Прагѣ проникся большимъ уваженіемъ къ чешской наукѣ о славянахъ, разискивалъ памятники, относящіеся къ болгарскому прошлому и учился

пріемамъ и методу ихъ разработки. Всѣ его умственные интересы были въ ту пору тѣсно связаны съ родною землею и болгарскимъ народомъ. Тогда какъ разъ обострилась борьба между болгарами и Фанаромъ, не уступавшимъ болгарамъ въ удовлетвореніи ихъ справедливаго желанія—имѣть свое болгарское высшее духовенство и воскресить повсюду въ болгарскихъ церквахъ славянское богослуженіе, вмѣсто введеннаго насильственно—греческаго. Поэтому первою статьею Дринова была: „Страшны ли съ за народность-та нѣ фанариоти-тѣ и іезуити-тѣ?“, написанная имъ въ Женевѣ и напечатанная за подписью „М. Бошкови“ въ журналѣ „Врѣмо“ въ 1866 году (№№ 12 и 14), который тогда издавалъ въ Царьградѣ Т. Бурмовъ. Уже эта статья, имѣвшая ближайшее отношеніе къ очень живому въ ту пору болгарскому церковному вопросу, показала, что болгары въ лицѣ ея автора приобрѣтаютъ своего серьезнаго ученаго историка. Вѣроятно, не разъ еще отзывался Дриновъ въ скудной тогда болгарской періодической печати, а быть можетъ и русской, по важнымъ для болгаръ вопросамъ. Обязанность молодыхъ болгарскихъ изслѣдователей, для освѣщенія этой интересной и важной эпохи въ новой жизни болгарскаго народа, непосредственно подготовившей освобожденіе его отъ вѣкового ига, — разыскать эти статьи Дринова и по его перепискѣ возстановить ходъ развитія и вообще отношеній и роли этой крупной личности въ исторіи болгарскаго возрожденія. Извѣстно также его „Писмо до български-тѣ читалища“, подъ псевдонимомъ „Н. Божковъ“ въ „Лѣтоструѣ“ Данова (отъ августа 1869 г., по словамъ А. Теодорова въ „Сборникѣ“, изданномъ въ честь Дринова въ Софіи въ 1900 г.), въ которомъ онъ побуждаетъ собирать народныя произведенія и изучать болгарскій языкъ. Въ томъ же 1869 году 1-го апрѣля М. С. Дриновъ окончилъ въ Прагѣ, гдѣ провелъ большую часть времени въ 1868 и 1869 годахъ, трудъ: „Погледъ врѣхъ произхожданье-то на българскій народъ и начало-то на българска-то исторія“ и напечаталъ его въ Вѣнѣ, а въ іюнѣ далъ еще другое изслѣдованіе: „Исторически прѣгледъ на българска-та църква отъ само-то ѣ начало и до днесъ“ ¹⁾. Эти двѣ его ученыя статьи опредѣлили главный характеръ всѣхъ его дальнѣйшихъ ученыхъ разысканій и трудовъ.

Въ это время болгарскимъ патриотамъ, наконецъ, удалось со-

¹⁾ Русскій переводъ этой статьи помещенъ былъ въ Московскомъ журналѣ „Православное Обозрѣніе“ за 1870 годъ.

здать учено-литературное общество подъ именемъ „Българско-книжовно дружество“ въ Браилѣ, на болѣе прочныхъ основаніяхъ, чѣмъ прежнія общества, попытки основать которыя восходятъ къ 40-ымъ годамъ XIX столѣтія. Было рѣшено основать „Сборникъ“ съ ученымъ матеріаломъ и статьями, главнымъ образомъ, по болгарскому языку, исторіи и словесности и ежемѣсячный журналъ „Периодическо Списание“. Для веденія этого изданія и вообще литературныхъ предпріятій „книжовнаго“ общества въ 1869 г. были избраны М. С. Дриновъ,— въ ту пору еще путешествовавшій по Европѣ и занимавшійся, между прочимъ, въ Ватиканской библиотекѣ въ Римѣ, въ Неаполѣ и даже Казамиччиоло (на островѣ Искіи) разысканіемъ документовъ по исторіи болгаръ и болгарскихъ поселеній въ Италіи и на островахъ въ XIII и XIV вѣкахъ,—Василій Друмевъ, тогда окончившій курсъ въ Кіевской Духовной Академіи и впоследствии извѣстный болгарскій дѣятель митрополитъ Климентъ, немало пострадавшій и въ заточеніи въ жестокой періодъ власти временщика Стамбулова,—и Василій Стояновъ, учившійся въ Пражскомъ университетѣ и вернувшійся оттуда на родину въ 1868 г. Дриновъ принималъ большое участіе въ этомъ изданіи и въ судьбахъ общества, хотя только посредствомъ письменныхъ сношеній. Его участію придавалось столь важное значеніе, что его голосъ имѣлъ характеръ рѣшающаго. Къ этому времени относится рядъ статей Дринова, помѣщенныхъ въ „Периодическомъ Списаніи“, котораго вышло въ старой серіи, съ 1870 по 1876 годъ, всего 12 книгъ. Статьи эти посвящены вопросамъ по древней исторіи Болгаріи и отчасти вошли впоследствии въ переработкѣ въ его русскія изслѣдованія. Тутъ также онъ обнародовалъ нѣкоторые важные для болгарской исторіи документы, извлеченные имъ изъ европейскихъ архивовъ, или сообщалъ факты, имъ оттуда извлеченные, и далъ описаніе рукописей. Здѣсь, между прочимъ, имъ напечатано обстоятельное описаніе ватиканскаго списка болгарскаго памятника XIV вѣка,—времени царя Іоанна Асѣня,—Манассійной лѣтописи, при чемъ онъ обратилъ большое вниманіе на многочисленныя миниатюры этого памятника, важныя для исторіи болгарскаго искусства. По словамъ профессора Г. Златарскаго (Сборникъ, стр. 46), Дриновъ особенно цѣнилъ и хранилъ около 20 снимковъ, сдѣланныхъ съ этихъ миниатюръ для нечего въ Римѣ хорошимъ живописцемъ, и все надѣялся украсить ими хорошую болгарскую исторію. Въ своихъ статьяхъ онъ касается также вопроса объ отношеніяхъ болгарской и сербской церкви „прѣдъ схилиште-то на Лѣонскій съборъ въ 1274 г.“ (Пер. Спис. VII—VIII)

и говорить о началѣ Самуиловой державы, вопросъ о которой былъ имъ обстоятельно разработанъ въ его докторской диссертациі въпослѣдствіи. Въ это же время онъ знакомитъ и русское общество съ весьма важнымъ для болгарскаго народа церковнымъ вопросомъ въ статьѣ, помѣщенной имъ въ московскомъ журналѣ „Бесѣда“ въ 1873 г., подъ заглавіемъ: „Болгарія и константинопольская церковь“, ибо какъ разъ тогда, по фирману султана 28-го февраля 1870 г., возникъ болгарскій экзархатъ и вскорѣ послѣдовало отлученіе, наложенное византійскимъ патріархатомъ и соборомъ на возникшую болгарскую церковь (16-го сентября 1872 г.). Этою статьею М. С. Дриновъ началъ свою ученую и литературную дѣятельность въ русской наукѣ и литературѣ.

Къ числу лучшихъ работъ Дринова этого времени относится біографія Паисія, автора „Исторіи славено-болгарской“ (1762 г.), при чемъ онъ впервые опредѣляетъ значеніе этого труда. Статья носитъ заглавіе: „Отъ Паисіи, негово-то врѣме, негова-та история и ученицитѣ му“ (Сер. Сп. 1873, IV). Тутъ Дриновъ впервые опредѣляетъ важность труда и дѣятельности Паисія, какъ перваго дѣятеля въ исторіи пробужденія народнаго самосознанія у болгаръ. Вообще можно замѣтить характерный фактъ въ исторіи возрожденія славянъ какъ западныхъ, такъ и южныхъ, что оно всюду у нихъ начиналось воскрешеніемъ памяти о быломъ славномъ періодѣ въ жизни народа и потому получало какъ бы толчокъ отъ археологическихъ и историческихъ, иногда по своему характеру даже примитивныхъ, трудовъ.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка Дриновъ возвращается въ Россію и приступаетъ къ магистерскому экзамену въ Москвѣ. Здѣсь онъ не находитъ уже на славянской кафедрѣ своего учителя О. М. Бодянскаго, оставившаго университетъ въ 1868 году, когда совѣтъ университета оскорбилъ этого основателя славянской кафедры въ Москвѣ, забаллотировавъ его при выборахъ на пятилѣтіе, послѣ истеченія 25-лѣтняго срока его службы. Кафедру славянской филологіи занималъ просвѣщенный и трудолюбивый А. Л. Дювернуа, замѣчательный лингвистъ, уже въ ту пору изучавшій болгарскій языкъ. Среди членовъ факультета въ это время былъ уже Н. А. Поповъ, занимавшійся исторіей югославіи. Выдержавъ магистерское испытаніе по предметамъ кафедры славяновѣдѣнія, Дриновъ напечаталъ свою магистерскую диссертацию въ „Чтеніяхъ“ Общества Исторіи и Древностей (1872 г., 4 кн.), которая редактировалъ его учитель Бодянский,—это было его первое крупное ученое изданіе: „Засе-

леніе Балканскаго полуострова славянами“. Весною 1873 года онъ защитилъ эту книгу на публичномъ диспутѣ и получилъ степень магистра, открывшую ему доступъ къ университетской кафедрѣ.

Осенью 1873 г. М. С. Дриновъ становится доцентомъ по кафедрѣ славянскихъ нарѣчій въ Харьковскомъ университетѣ, по избранію факультета и совѣта, при участіи столь авторитетныхъ ученыхъ судей по русской и славянской филологіи, какъ братья Петръ и Николай Лавровскіе. Съ той поры М. С. Дриновъ отдастъ всѣ свои силы университету и русской наукѣ, но не прерываетъ своихъ связей съ Болгаріей и роднымъ ему народомъ и его литературою. Вскорѣ пришлось ему и активно выступить въ роли устроителя жизни возрожденной Болгаріи.

Въ 1876 г. въ тѣхъ же „Чтеніяхъ“ появляется вторая его диссертация—„Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ“, доставившая Дринову послѣ диспута степень доктора славянской филологіи, и онъ тогда же становится экстраординарнымъ, а съ 20-го декабря того же 1876 г. ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ славянскихъ нарѣчій, которую и занималъ до конца своей жизни. Вообще въ составѣ профессоровъ Харьковскаго университета, кстати замѣтимъ, нерѣдко бывали нерусскіе славяне, имѣвшіе ученую извѣстность и въ русской, и въ родной для нихъ по происхожденію ученой литературѣ: такъ, въ 20-ыхъ годахъ кафедре физики занималъ тамъ Аванасій Стойко-вичъ, сербъ, въ 30-ыхъ годахъ былъ тамъ же профессоромъ братъ польскаго поэта Мицковича, полякъ, въ 70-ыхъ годахъ Дриновъ, болгаринъ, занялъ весьма важную славянскую кафедру, а Шерцль, чехъ,—кафедру сравнительнаго языковеданія.

Оба вышеперечисленные труда сразу дали почетное мѣсто М. С. Дринову среди ученыхъ изслѣдователей прошлыхъ судебъ славянства. Въ своемъ трудѣ о „Заселеніи Балканскаго полуострова славянами“ Дриновъ пришелъ къ выводу, что начало этого заселенія относится къ концу II вѣка и окончилось въ VII столѣтіи. Свои выводы онъ основываетъ какъ на обстоятельномъ изученіи историческихъ свидѣтельствъ и старой этнографіи, такъ и на филологическихъ и лингвистическихъ данныхъ. Если позднѣйшая разработка этого вопроса не всегда подтверждаетъ тѣ или другіе выводы Дринова, то все же главное его положеніе о первыхъ поселеніяхъ славянъ за Дунаемъ задолго до V вѣка, какъ думалъ Шафарикъ, находитъ многихъ послѣдователей и защитниковъ. По приѣмамъ и по матеріалу, которыми пользовался Дриновъ для своей диссертации, сразу было видно, что выступаетъ на поле русской науки новая крупная сила. Это появле-

ніе крупнаго ученаго изъ среды воспитывавшихся или учившихся въ Россіи молодыхъ болгаръ было торжествомъ для самихъ болгаръ, тѣмъ болѣе, что онъ казался самородкомъ: вѣдь онъ пришелъ въ Россію учиться 20-ти лѣтъ, подобно нашему Ломоносову, и былъ первымъ болгаринимъ—настоящимъ ученымъ, стоявшимъ на высотѣ требованій европейской науки. Ему потребовалось лишь семь лѣтъ для того, чтобы окончить курсъ самаго славнаго въ славянствѣ университета, при строгихъ требованіяхъ того времени, и онъ успѣлъ въ другія семь лѣтъ, несмотря на то, что долженъ былъ отдавать значительную часть своего времени на житейскую работу, не только подготовиться къ ученому труду, но и дать рядъ ученыхъ изслѣдованій, достаточно капитальныхъ, чтобы занять почетное мѣсто въ очень ревнивомъ ученомъ ареопагѣ.

Докторская его диссертация — „Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ“ представляетъ монографію, весьма важную для юго-славянской исторіи. Тутъ онъ ярко освѣтилъ вѣкъ царя Симсона, славнѣйшую эпоху въ древней исторіи болгаръ, и, раскрывъ отношенія къ славянамъ въ эту эпоху, объяснилъ характеръ и значеніе распаденія болгарскаго царства на западную и восточную части и основанія державы царя Самуила. Дриновъ доказывалъ, что на царство Самуила должно смотрѣть, какъ на продолженіе болгарскаго царства послѣ паденія сѣверной Болгаріи со столицею въ Преславѣ подъ власть Византіи, и что слѣдовательно политическая жизнь болгарскаго народа продолжалась еще около столѣтія послѣ походовъ русскаго князя Святослава и побѣдъ императора Цимисхія.

Оба эти труда вообще важны для исторіи югославянъ, и если антагонисты болгаръ, какъ нынѣ уже покойный бѣлградскій профессоръ Панта Сретъковичъ (сербъ), старались умалить ихъ ученое значеніе обвиненіемъ въ тенденціозности и односторонности, то другіе вполне присоединялись къ мнѣніямъ и выводамъ Дринова, какъ, напримеръ, загребскій профессоръ Таде Смичкичъ (хорватъ) по вопросамъ старой хорватской исторіи. Недовѣрчивое и даже отрицательное отношеніе Дринова къ сообщеніямъ Константина Багрянороднаго возбуждали было споръ въ русской литературѣ (профессора Гротъ и Флоринскій). Дриновъ исходилъ изъ положенія, что всѣ южные славяне представляли въ древнее время много небольшихъ племенъ, которыя объединились впоследствии въ болѣе крупное этнографическое цѣлое подъ именемъ хорватовъ, сербовъ и т. д., образовавшихъ затѣмъ и свои политическіе организмы.

Историческія изслѣдованія и вполнѣдствіи, главнымъ образомъ, занимали Дринова, что видно изъ нѣсколькихъ его небольшихъ, но всегда интересныхъ трудовъ. Правда, онъ не далъ больше ни одного цѣльнаго крупнаго труда по этой области славяновѣдѣнія, но его обстоятельные ученые разборы и рецензіи чужихъ трудовъ и статьи (Иречка, Болгарская исторія въ *Čas. Česk. Muz. и Archiv* въ Ягича въ 1876 г.; Ѡ. И. Успенскаго: Образование второго болгарскаго царства,—въ Запискахъ Имп. Акад. Наукъ, прилож. къ т. XXXIX; его статья нѣсколько полемическаго характера по отношенію сербскихъ претензій на Македонію въ Сборникъ Офейкова: *La Macédoine*, 1887 г.; разборъ сочиненій покойнаго Сырку по эпохѣ Евенмія Търнопскаго, 1900 г. и др.) даютъ ясное свидѣтельство, что покойный харьковскій профессоръ продолжалъ ученую разработку древней исторіи болгаръ въ тиши своего кабинета. Особенно цѣннымъ трудомъ этого рода представляется его статья: „О нѣкоторыхъ трудахъ Димитрія Хоматиана, какъ историческомъ матеріалѣ“ (Визант. Врем., т. 1 и 2. 1894 и 1895 г.). Дриновъ воспользовался произведеніями этого іерарха, занимавшаго архіепископскую кафедру въ Охридѣ въ первой четверти XIII вѣка, чтобы освѣтить политическія и церковныя отношенія балканскихъ государствъ въ XIII вѣкѣ между собою и съ Никейскою имперіей и эпиро-солунскимъ деспотствомъ во время латинской имперіи въ Византіи.

Къ этому ряду работъ М. С. Дринова примыкаютъ его труды, имѣющіе ближайшее отношеніе къ исторіи болгарской литературы. Таковы, напримѣръ, его замѣтка о нѣсколькихъ забытыхъ сочиненіяхъ Софронія Врачанскаго (Пер. Сп. 1884 г.), о Паясін (ib. 1886 г.), о первой болгарской типографіи въ Солуни и нѣкоторыхъ напечатанныхъ въ ней книгахъ (ib. 1889 г.), о болгарскихъ книжарахъ XVI в. Трайковъ изъ Софіи и Трифунъ изъ Скопіи (ib. 1895 г.), его статья въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (въ 1885 г.)—„Новый церковно-славянскій памятникъ съ упоминаніемъ о славянскихъ первоучителяхъ“ и др.

Всѣ эти работы М. С. Дринова свидѣтельствуютъ о глубокой вдумчивости и остротѣ ученаго анализа и тщательности наблюденій нашего покойнаго ученаго.

Несмотря на то, что Дриновъ, по своему ученому настроенію и укладу, долженъ быть причисленъ къ историкамъ, онъ много и усордно занимался вопросами, имѣющими филологическое значеніе. Онъ хорошо понималъ, что изученіе славянъ и ихъ прошедшаго тѣсно свя-

зано съ работою надъ исторіей ихъ языковъ и изученіемъ діалектовъ. Притомъ на его долю, долю перваго крупнаго ученаго сына болгарскаго народа, выпала и обязанность не только авторитетно говорить о предѣлахъ болгарскаго языка, опредѣляющаго и новые предѣлы болгарской народности, но и установить въ извѣстной степени книжныя формы выраженія и самое правописаніе нарождающейся ново-болгарской литературы.

Еще начиная съ 40-хъ годовъ нѣкоторыя болгарскія изданія, выходившія столь рѣдко, печатались письменами церковно-славянскими, напр., журналъ „Любословіе“ (К. Фотинова, 1845 г.) въ Смирнѣ, и если и нынѣ нельзя признать окончательно установившимся болгарское правописаніе, то въ 60-хъ годахъ оно было крайне непослѣдовательно. Дриновъ, имѣвшій ученую филологическую подготовку, началъ свои труды въ этой области статьею: „За ново-българско-то азбуке“ (Пер. Спис. 1870, т. II), написанною по поводу вопроса о правописаніи, принятомъ въ изданіяхъ браиллскаго книжовнаго дружества. Тутъ уже въ немъ сказался знатокъ болгарскаго языка и его нарѣчій. Вообще его филологическая подготовка и работа надъ изученіемъ болгарскаго языка дали ему возможность стоять на твердой почвѣ въ изысканіяхъ какъ историческихъ, такъ и этнографическихъ.

По авторитетному отзыву профессора Б. М. Ляпунова въ его статьѣ: „Краткій очеркъ научной дѣятельности М. С. Дринова“, предназначенной въ невышедшій еще юбилейный сборникъ въ его честь, „изъ лингвистическихъ статей М. С-ча, кромѣ большихъ отзывовъ о словаряхъ болгарскаго языка Дювернуа и Герова, выдѣляется особенно классическая статья о произношеніяхъ глухихъ звуковъ въ болгарскихъ говорахъ, помѣщенная въ V томѣ Ягичева „Архива“ (1881 г. Die Wiedergabe des altslovenischen x und z im Neubulgarischen). Въ ней обнаруживается тонкая наблюдательность и интересъ къ фонетическимъ изслѣдованіямъ“. Дѣленіе всей массы болгарскихъ говоровъ на четыре группы по произношенію общеславянскихъ х и з въ новоболгарскомъ языкѣ принято всѣми позднѣйшими изслѣдователями болгарской діалектологіи и лишь видоизмѣняется въ частностяхъ и пополняется новыми данными и наблюденіями. Для характеристики филологическихъ взглядовъ Дринова представляетъ значительный интересъ его рецензія книги профессора Антона Калины: „Studyja nad historiją języka bulgarskiego“, помѣщенная въ „Славянскомъ Обзорѣнн“ А. С. Будиловича (1892 г.).

Несмотря на то, что въ Московскомъ университетѣ въ ту пору,

когда учился въ немъ Дриновъ, не было еще настоящаго преподаванія по кафедрѣ сравнительной грамматики, а лингвистическія изученія ограничивались главнымъ образомъ изученіемъ санскрита, персидскаго или арабскаго языковъ, подъ руководствомъ профессора Петрова, и студенты выслушивали лишь курсы по исторіи русскаго языка у Буслаева, да получали нѣкоторыя свѣдѣнія по сравнительной грамматикѣ изъ курсовъ Бодянскаго, М. С. Дриновъ рано проникся сознаниемъ важности для славистики строгихъ сравнительно-грамматическихъ штудій. Доказательствомъ этой его подготовки можетъ служить то, что въ 1875 г., т. е. во второй годъ его преподаванія съ кафедры Харьковскаго университета, ему было поручено написать отзывъ о замѣчательномъ изслѣдованіи: „Записки по русской грамматикѣ“ такого крупнаго ученаго, какъ Потебни, представленномъ имъ въ качествѣ диссертациі на степень доктора славяно-русской филологіи. М. С. Дриновъ съ честью исполнилъ порученіе факультета и далъ такой обстоятельный и серьезный отзывъ, что профессоръ Н. Θ. Сумцовъ нынѣ извлекъ его изъ архива и напечаталъ цѣликомъ въ своей статьѣ: „Выступленіе А. А. Потебни на ученое поприще и участіе въ этомъ дѣлѣ М. С. Дринова“, предназначенной также въ составъ еще невышедшаго вышеупомянутаго сборника въ честь Дринова.

Третій родъ трудовъ М. С. Дринова посвященъ этнографіи болгарь. Какъ человекъ, вышедшій изъ среды простаго народа, онъ отлично зналъ многія стороны быта и обычая болгарь. Эта отрасль научнаго изученія имѣла и имѣетъ вообще для славянъ, а для югославянъ въ особенности, большое значеніе и въ политическомъ смыслѣ: имъ нужно еще размежеваніе народностей между собою. До сихъ поръ еще проявляющіеся то съ меньшею, то съ большею силою и иногда доходящіе до ожесточенія и кровавыхъ столкновеній споры между сербами и болгарами о предѣлахъ ихъ народности и языка, имѣютъ и сторону крайне важную для текущаго дня. Дриновъ, какъ болгарскій патріотъ, не могъ оставаться равнодушнымъ къ этимъ вопросамъ. Не будучи склоннымъ къ публицистикѣ — намъ неизвѣстны его статьи въ газетахъ, хотя имѣемъ нѣкоторыя основанія полагать, что онъ не былъ чуждъ участія въ болгарской журнальной печати въ 80-хъ годахъ—онъ служилъ разрѣшенію споровъ и недоумѣній научными изслѣдованіями въ области этнографіи.

Въ 1875 г., какъ разъ въ ту пору, когда болѣе или менѣе ясно обозначились первыя вѣянія того духа, который привелъ къ освобо-

жденію Болгаріи, Дриновъ совершилъ ученую поѣзду по болгарскимъ странамъ. Тутъ рядомъ съ собираніемъ данныхъ по изученію болгарскихъ нарѣчій и рукописной старины Дриновъ сдѣлалъ наблюденія надъ современнымъ положеніемъ болгарскаго народа. Въ Харьковѣ онъ прочелъ публичную лекцію въ ноябрѣ 1876 г. о современномъ положеніи болгаръ, которая составила содержаніе его статьи, помѣщенной имъ во 2-мъ томѣ „Славянскаго сборника“, издававшегося въ Петербургѣ Славянскимъ благотворительнымъ обществомъ, подъ заглавіемъ: „Болгарія наканунѣ ея погрома“. Въ ней онъ даетъ обстоятельную характеристику положенія болгаръ въ Пловдивскомъ округѣ до панаяурскаго возстанія, вызвавшаго крайнія жестокости со стороны турокъ.

Но вотъ началась наша освободительная славянская война 1877—78 годовъ съ Турціей. Нужны были знатоки страны для строительства новаго быта болгарскаго народа, возваннаго къ новой политической жизни мощнымъ велѣніемъ Царя-Освободителя и трудомъ русскаго народа. 3-го августа 1877 г. Дриновъ былъ командированъ въ распоряженіе главнокомандующаго арміей великаго князя Николая Николаевича и состоялъ при канцеляріи князя В. А. Черкасскаго. Когда послѣ перехода нашихъ войскъ чрезъ Балканы вводилось гражданское управленіе въ софійскомъ санджакѣ, то губернаторомъ его былъ назначенъ Алабинъ, бывший предсѣдатель казенной палаты въ Саратовѣ и стоявшій во главѣ депутаціи, которой саратовская городская дума поручила поднести знамя болгарскому ополченію, а софійскимъ вице-губернаторомъ М. С. Дриновъ. Назначеніе это состоялось 20-го декабря 1877 года, когда наши побѣдоносныя войска уже вступали въ Софію. Послѣ кончины князя Черкасскаго, провшедшей какъ разъ въ день заключенія Санъ-Стефанскаго мира, 19-го февраля 1878 г., былъ назначенъ императорскимъ комиссаромъ, какъ извѣстно, Дондуковъ-Корсаковъ, прибывшій въ Филиппополь въ началѣ мая. При немъ былъ учрежденъ совѣтъ изъ начальниковъ отдѣловъ, въ число которыхъ былъ назначенъ и М. С. Дриновъ, въ качествѣ управляющаго отдѣломъ народнаго просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ въ Болгаріи. Назначеніе его на эту должность состоялось 30-го мая 1878 г. Какъ природный болгаринъ и въ то же время воспитанникъ и профессоръ русскаго университета и знатокъ страны и ея прошлаго, Дриновъ былъ неоцѣненный совѣтникъ для русскаго уполномоченнаго, призваннаго устроить освобожденную Болгарію и дать формы для ея новой государственной жизни. Къ его голосу внимательно прислуши-

вался князь Дондуковъ-Корсаковъ во всѣхъ дѣлахъ. Самый выборъ будущей столицы Болгаріи былъ сдѣланъ по настойчивому и рѣшительному совѣту Дринова. Многимъ казалось, что столицей возникающаго болгарскаго княжества, отъ котораго, по рѣшенію Берлинскаго конгресса, была отдѣлена въ особую политическую единицу Восточная Румелія, соединившаяся съ княжествомъ лишь впоследствии, послѣ переворота въ 1885 г., должна быть выбрана древняя столица Болгарскаго царства времени Асѣній—Търново. Австрійская дипломатія также усердно поддерживала это мнѣніе, старалась отодвинуть, по возможности, дальше отъ границъ Македоніи политическій центръ нарождающагося болгарскаго государства. Былъ созданъ планъ перенести мѣсто пребыванія императорскаго комиссара изъ Филиппополя въ Търново, гдѣ должно было собраться первое представительство Болгаріи для выработки устава, и затѣмъ признать этотъ городъ столичнымъ. Но подъ вліяніемъ М. С. Дринова князь Дондуковъ-Корсаковъ рѣшилъ переѣхать въ Софію, древнюю Сердику, городъ менѣе значительный въ ту пору, но расположенный на равнинѣ у подножія цѣни Витошскихъ горъ, за которыми недалеко Рыльскія горы съ священнымъ историческимъ для болгарскаго народа, полнымъ преданій, монастыремъ св. Іоанна Рыльскаго. А тамъ уже многострадальная и прекрасная Македонія, изъ-за которой уже спорятъ между собою болгары, сербы, греки и даже румыны и на которую уже простираетъ свою руку съ сѣвера австро-венгерская политика...

Покойный профессоръ Дриновъ принималъ близкое участіе при выработкѣ такъ называемаго органическаго устава для Болгаріи, представленнаго въ учредительное собраніе въ Търновѣ въ февралѣ 1879 г. Многія статьи нынѣшней болгарской конституціи представляютъ текстъ въ болгарскомъ переводѣ, выработанный Дриновымъ. Тогда же въ собраніи депутатовъ Дриновъ прочелъ отъ имени императорскаго комиссара обширное изложеніе дѣйствій русскихъ властей за время оккупациі Болгаріи. Въ качествѣ управляющаго дѣлами просвѣщенія и церкви, М. С. Дриновъ не только возстановилъ существовавшія до войны училища, но и положилъ начало многимъ новымъ какъ начальнымъ, такъ и среднимъ и специальнымъ училищамъ, очень заботился о преподавательскихъ силахъ, объ учебникахъ, программахъ и т. д., положилъ основаніе народной библіотекѣ въ Софіи и замышлялъ основаніе серьезной болгарской газеты. Благодаря ему, „Книжново дружество“ перенесло свое пребываніе изъ Браило въ Софію и расширило свою дѣятельность, получивъ вскорѣ

затѣмъ отъ правительства ежегодную значительную субсидію (12.000 франковъ). Съ 1882 г. оно стало вновь издавать „Периодическо Списание“, которое съ той поры до нынѣ выходитъ аккуратно, давая много важныхъ статей для изученія болгарскаго народа и страны.

Подаромъ болгары въ день юбилея Дринова въ 1899 г. постановили назвать одну изъ улицъ своей столицы именемъ Дринова. „При посѣщеніи Болгаріи, говоритъ проф. Сумцовъ въ некрологѣ М. С-ча (Южный Край, 1-го марта 1906 г., № 8716), Дринову отводили министерскій вагонъ, митрополитъ софійскій встрѣчалъ его съ хлѣбомъ-солью на главной площади; имя Дринова носить одна изъ лучшихъ софійскихъ улицъ; портреты его на школьныхъ тетрадахъ“.

Но окончилась русская оккупация, — Болгарія получила своего князя въ лицѣ принца Александра Баттенбергскаго, и М. С. Дриновъ спѣшилъ возвратиться къ своей каюдрѣ въ Харьковъ. Съ той поры онъ остается вѣренъ своему университетскому дѣлу и наукѣ. Хотя болгары и ихъ правители не разъ дѣлали ему самыя блестящія предложенія, привлекая его въ Болгарію. Въ 1881 г. ему былъ предложенъ постъ предсѣдателя государственнаго совѣта въ Софіи, но онъ отъ него отказался. Что руководило имъ въ этомъ непринятіи столь почетнаго и важнаго поста въ юной Болгаріи, трудно сказать, но можно предполагать съ большими основаніями, что, не считая себя обладающимъ способностями, нужными для выдающейся государственной дѣятельности, въ высшей степени скромный, простой и приученный своими научными занятіями къ серьезному и строгому критическому отношенію и къ себѣ лично, и ко всему совершающемуся, Дриновъ предвидѣлъ приближающееся время неурядицъ въ Болгаріи, приведшихъ къ удаленію изъ страны князя Александра Баттенбергскаго, къ стамбуловщинѣ и такъ называемому палочному періоду въ жизни его родной страны. Онъ былъ искренно и всецѣло преданъ Россіи и, конечно, могъ видѣть ошибки русской политики, но никогда не могъ стать въ ряды какихъ бы то ни было противниковъ Россіи, а тѣмъ болѣе руссофобовъ. Онъ остался болгаринномъ, русскимъ по духу и лишь русскимъ ученымъ.

Но оставаясь въ Россіи, онъ занимался преимущественно всѣмъ тѣмъ, что относится къ болгарамъ, и почти всѣ его труды цѣлкомъ посвящены этому славянскому народу. Его болгарскія и русскія статьи освѣщали съ разныхъ сторонъ прошлое или бытъ болгаръ. Между статьями его этнографическаго характера, относящимися къ этому періоду дѣятельности Дринова, слѣдуетъ отмѣтить его статью: „Нѣ-

сколько словъ объ языкѣ, народныхъ пѣсняхъ и обычаяхъ добрыхъ Славянъ“, помѣщенную въ 1887 г. въ „Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества“. Дриновъ, какъ выше было уже отмѣчено, занимался изученіемъ обычаевъ и преданій болгарскаго народа. Еще въ 1876 г. въ *Периодическомъ Стиснаніи* были напечатаны имъ собранныя болгарскія народныя пѣсни, при чемъ онъ показалъ, что помощью его правописанія можно отличать различныя болгарскія нарѣчія. Вышеотмѣченная статья Дринова была имъ написана по поводу извѣстнаго сборника Ястребова: „Обычаи и пѣсни турецкихъ славянъ“ (1886 г.). Покойный Ястребовъ, бывший консуломъ въ Призренѣ, былъ большой сербофилъ и, какъ таковой, относился съ извѣстнымъ недружелюбіемъ и подозрительностью къ болгарамъ. Дриновъ въ своей статьѣ доказывалъ, что славяне въ Македоніи и въ частности въ Дебрскомъ округѣ—болгары по народности. Указавъ различныя неточности въ записяхъ, изданныхъ Ястребовымъ въ этой книгѣ пѣсемъ, Дриновъ, между прочимъ, выясняетъ, что праздникъ „Славы“ встрѣчается въ различныхъ мѣстахъ болгарской земли съ тѣми или другими измѣненіями, и что слѣдовательно его нельзя считать исключительно сербскимъ. Но извѣстно, что сербскіе этнографы считаютъ его однимъ изъ самыхъ важныхъ и рѣшительныхъ признаковъ принадлежности извѣстной мѣстности или группы населенія къ сербской народности, и это мнѣніе объ исключительно сербскомъ характерѣ этого празднованія „Славы“ такъ распространено среди сербовъ, что у нихъ существуетъ положеніе, принимаемое какъ аксіома: „Гдѣ је слава, ту је србин“. Такимъ образомъ, Дриновъ, опровергая это мнѣніе, опровергалъ вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ выводы, къ которымъ приводитъ трудъ Ястребова, и этимъ подрывалъ силу аргументовъ, на основаніи которыхъ македонское населеніе причислялось къ сербской народности.

Нашу замѣтку о трудахъ Дринова окончимъ указаніемъ на написанныя имъ некрологи: профессора В. В. Макушева (1883 г.), въ которомъ разсматриваются его труды, имѣющіе ближайшее отношеніе къ болгарской исторіи, И. С. Аксакова (1887 г.), съ которымъ Дриновъ находился въ близкихъ отношеніяхъ и котораго глубоко чтить, и Нешо Бончева (сконч. въ 1878 г.), согражданина и товарища по ученію.

М. С. Дриновъ участвовалъ въ основаніи историко-филологическаго общества при Харьковскомъ университетѣ и въ его трудахъ принималъ живое участіе. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ былъ

предсѣдателемъ этого общества. За свои ученые заслуги онъ былъ избранъ въ члены-корреспонденты всѣхъ академій въ славянскихъ странахъ: Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ, польской въ Краковѣ, чешской въ Прагѣ, югославянской въ Загребѣ и вообще почетнымъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, особенно болгарскихъ.

Въ рѣчи, сказанной въ засѣданіи Харьковскаго историко-филологическаго общества 8-го марта 1906 г. въ присутствіи болгарской депутаціи, пріѣзжавшей на похороны Дринова, Е. К. Рѣдннъ такъ охарактеризовалъ покойнаго М. С. Дринова: „Это былъ человекъ въ лучшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Онъ отличался необыкновенною добротою, привѣтливостью, чистой, ясной, открытой душою, преданною любовью ко всему доброму, прекрасному. Ко всѣмъ людямъ, товарищамъ онъ относился доброжелательно, готовъ всегда былъ услужить, помочь всѣмъ, чѣмъ могъ. Тамъ, гдѣ онъ былъ, не было мѣста враждѣ, раздору, не было мѣста и лжи, лукавству. Умъ ясный, здравый, смотрящій всегда въ глубину дѣла, онъ любилъ также во всемъ ясность, справедливость, соединенную съ гуманностью, съ сочувствіемъ положенію человека, къ тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ въ его жизни, дѣлахъ“... (Историч. Вѣстн. 1906 г., июнь, стр. 969).

Этотъ характеристикю личности М. С. Дринова закончимъ его некрологомъ, но напомнимъ, что его бібліотека должна представлять предметъ необычайнаго интереса, особенно дѣнна она будетъ впоследствии: въ ней найдется, вѣроятно, все, что появлялось на болгарскомъ языкѣ со времени возникновенія новой болгарской словесности, а его связи и сношенія съ выдающимися дѣятелями эпохи освобожденія Болгаріи какъ русскими (Аксаковымъ, кн. Черкасскимъ, кн. Дондуковымъ-Корсаковымъ и др.), такъ и болгарскими даютъ высокое историческое значеніе и его рукописному архиву. Неужели не найдется ни одного русскаго учрежденія, которое сумѣло бы и смогло пріобрѣсти и сохранить эти богатства въ Россіи для будущихъ изслѣдователей этого важнаго періода нашей исторіи и болгарскаго возрожденія?

II. Мулаковскій.

Профессоръ Б. М. Ляпуновъ къ своей вышеупомянутой статьѣ присоединилъ весьма полную и обстоятельную бібліографію ученыхъ трудовъ и сочиненій покойнаго Дринова.

III. КС.